

въ другія безбрежныя моря хвалебныхъ словъ; потому, помимо воли ея, подобаетъ причалить въ свою гавань молчанія»—такими словами ораторъ переходитъ къ заключительному прощанью съ покойникомъ и молебъ къ нему о благословеніи сына и наслѣдника.

Изъ представленнаго обзора читатель видитъ обиліе и разнообразіе матеріала, содержащагося въ новомъ сборникѣ источниковъ для румынской исторіи. Документы, дневники, письма, риторическія произведенія, стихотворные опыты, все это въ разной степени составитъ предметъ детальнѣйшаго изученія в критики будущихъ изслѣдователей политической и культурной жизни румынскихъ воеводствъ XVI—XIX вв. Намъ остается отдать дань признательности издателю за его самоотверженную и энергичную работу при публикаціи текстовъ, часто затруднительныхъ по смѣшанному языку (въ дневникахъ), и по крайней впитеватости и запутанности фразеологии (въ риторическихъ произведеніяхъ). Весьма цѣненъ тщательно составленный указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій.

С. Шестаковъ.

Σπ. Π. Ἀάμπρου. Ἀργυροπούλεια, λόγοι, πραγματεῖαι, ἐπιστολαί, προσφωνήματα, ἀπαντήσεις καὶ ἐπιστολαὶ πρὸς αὐτὸν καὶ τὸν υἱὸν Ἰσαάκιον. Ἐπιστολαὶ καὶ ἀποφάσεις περὶ αὐτῶν (съ Введеніемъ объ Иоаннѣ Аргиропулѣ, его семействѣ и Аргиропулахъ вообще). Ἐν Ἀθῆναις. 1910 (σελλ. 125—352).

Въ числѣ грековъ, переселившихся въ Италію послѣ паденія Константинополя и способствовавшихъ въ эпоху Возрожденія распространенію здѣсь греческой учености, Иоаннъ Аргиропулъ является однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ. Потому весьма желательнымъ приобрѣтеніемъ въ области изученія упомянутой эпохи и степени участія въ ней грековъ должна быть признана новая книга аѳинскаго профессора Ламброса, гдѣ онъ объединилъ какъ сочиненія Иоанна, такъ и матеріалы для его біографіи, частью уже извѣстные въ печати, частью публикуемые имъ впервые. На основаніи этихъ матеріаловъ онъ даетъ во Введеніи къ своему изданію этихъ сочиненій и матеріаловъ біографію Иоанна, гдѣ исправляетъ многіе пробѣлы и неточности, допущенныя прежними изслѣдователями. Литература предмета изучена Ламбросомъ весьма тщательно. Привлеченъ цѣлый рядъ старыхъ латинскихъ и итальянскихъ изслѣдованій, гдѣ можно было встрѣтить указанія на Аргиропула. Изъ новѣйшихъ книгъ, кромѣ общихъ всѣмъ извѣстныхъ пособій G. Voigt'a, Klette, Marie Gardthausen (Die griech. Schreiber d. Mittelalters и d. Renaissance. Lpzg. 1909), Bibliographie hellénique... aux XV et XVI siècles Эм. Леграна и проч., авторъ использовалъ монографію польскаго ученаго Яна Фіалека въ 36 томѣ трудовъ Краковской Академіи Наукъ (1902 г.), для чего въ его распоряженіи былъ рукописный ея греческій

переводъ (Εἰσχωγγή, сел. 13, сгм. 6). Въ цѣтуемой имъ статьѣ Куторги (Ж. М. Нар. Просв. 1891, Май) Ламбросъ не нашелъ напротивъ ничего новаго. Для падуанскаго періода дѣятельности Аргиропула использованы Historia gymnasii patavini Ник. Комнина Пападопула (Вевсиня, 1726) и Fasti gymnasii patavini итальянскаго ученаго Фаччиолати. Большимъ подспорьемъ автору послужило основательное знакомство съ каталогами рукописей различныхъ европейскихъ собраній ихъ. Вообще авторъ не пожалѣлъ труда, отыскивая въ старой литературѣ свѣдѣнія и мнѣнія объ Аргиропулѣ и подвергая ихъ критикѣ и оцѣнкѣ на основаніи изученнаго имъ матеріала.

Потребовало бы много мѣста изложить здѣсь всѣ дополненія и поправки къ біографіи Аргиропула, вносимыя новымъ о немъ изслѣдованіемъ. Періодъ своего ученія Аргиропулъ описываетъ въ общихъ чертахъ въ своемъ (обличительномъ) «Посланіи къ Георгію Трапезунтскому» (Λάμπρου, Ἀργυροπ. 73, 19—24), гдѣ обличая невѣжество своего противника онъ имѣетъ поводъ коснуться своей основательной подготовки еще въ ранней юности въ Константинополѣ. Свидѣтельство Дуки объ участіи Аргиропула въ Флорентійскомъ соборѣ (Δούκα ed. Bonn. pg. 213, 22) слѣдовало, пожалуй, подкрѣпить (Εἰσχωγ. 13) ссылкой на формулу этого собора въ богословскомъ трактатѣ Аргиропула объ исхожденіи Св. Духа, Ἀργυροπούλεια, сел. 122, 4—10 πβ. (въ полемическомъ, противъ Аргиропула, трактатѣ Агаліана, Ἀνασχενή), сел. 292, 22—293, 2. Весьма вѣроятнымъ представляется предположеніе г. Ламброса, однако не введенное въ текстъ, касательно чтенія διδασχάλου, вм. διακόνου, въ заглавіи Посланія къ Георгію, т. к. онъ называется здѣсь вмѣстѣ и ἔρχων τῶν ἐκκλησιῶν, слѣдовательно, едва ли былъ просто діакономъ (сел. 13, сгм. 3, сел. 13, сгм. 3; pg. 68). Дѣло въ томъ, что въ этомъ (первомъ) посланіи къ Георгію Іоаннъ говоритъ о періодѣ своей карьеры учителя, διδασχάλειου προστάτης, званіи, коимъ удостоилъ его императоръ, и о томъ, какъ стекались его послушать и пріѣзжіе изъ Італіи (сел. 73, 24, 74, 5), выражается такъ (см. 74, 5 εἰ καὶ ὕστερον κτῆ), что нельзя сомнѣваться въ принадлежности письма времени прочно сложившагося общественнаго положенія и извѣстности Іоанна (Εἰσχωγ. сел. 13. Іоаннъ былъ въ это еще время κριτῆς τοῦ δημοσίου КП., званіе, полученное имъ въ 1441-омъ году, сел. 13). 1441-ый годъ засвидѣтельствованъ какъ годъ пребыванія Аргиропула въ Падуѣ, въ надписи на листѣ 213-омъ парижской рук. 1908, коей снимокъ данъ рядомъ съ несомнѣннымъ автографомъ Аргиропула той же рукописи, листъ 173-ій, на стр. 13-ой Введенія, и его пребыванія въ Константинополѣ, въ письмѣ отъ 13 апрѣля 1441 Филельфа (Ἀργυροπούλεια, сел. 205) къ Іоанну Аргиропулу, іерею и κριτῆς τοῦ δημοσίου. Авторъ примиряетъ это такъ, что Аргиропулъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по полученіи этого письма, вернулся въ Італію, откуда пріѣзжалъ въ КП. послѣ Флорентійскаго собора (εἰσχωγ., сел. 13). Между этимъ годомъ и той порой, которой принадлежитъ первое посланіе къ

Георгію трапезунтскому, проходитъ время курса въ Падуѣ, полученія диплома здѣсь на *artium doctor* (дипломъ отысканъ впервые Фіалекомъ въ старомъ архивѣ падуанскаго университета, см. *Εισαχ.*, *σελ.* ιβ', *στμ.* δ') въ іюнѣ 1444-го и первые годы его учительской дѣятельности на родинѣ, въ Константинополѣ (вѣр., съ 1444-го г.), до возведенія его въ мартѣ 1450-го г. или немного позже въ профессора *καθολικῆς μουσείου* въ Ксенонѣ по предложенію императора. Вступленіе въ эту должность вызвало привѣтственную рѣчь Аргиропулу его ученика Мпхзила Апостоля, вошедшую въ число прочихъ матеріаловъ къ біографіи Аргиропула и въ сборникъ г. Ламброса, см. *σελλ.* 227—231. Это начало поры наиболѣе громкой извѣстности Аргиропула, какъ учителя въ Константинополѣ, которая уже въ полномъ расцвѣтѣ въ моментъ написанія перваго посланія Іоанна Аргиропула къ Георгію. «По достиженіи зрѣлаго возраста», говоритъ здѣсь Іоаннъ, «я удостоенъ былъ императоромъ, при томъ мудрѣйшимъ (ср. *πρωτοπῆ βρασιλέως* въ заглавіи рѣчи Михаила Апостоля), званія простата школы, гдѣ слушали насъ многіе и изъ образованныхъ людей изъ Италіи, одобряли и дивились нашему знанію въ литературѣ, особенно тому, какое мы проявляли въ истолкованіи физики и силлогизмовъ Аристотеля, если поздыѣ подъ вліяніемъ то тѣхъ, то другихъ злоключеній, мы и отложили въ сторону эти занятія» (въ текстѣ этого мѣста *Εισαχ.*, *σελ.* κβ', ошибочно *ἠγγίσαντο* вм. *ἠγγίσαντο* pg. 74, 3). Эти занятія Аристотелемъ впоследствии Іоаннъ возобновляетъ во Флоренціи, получивъ здѣсь съ 5 февраля 1457 г. должность профессора въ *Studio, in facultate oratoria et poesis*, съ опредѣленнымъ содержаніемъ (см. документы *σελλ.* 33. κτῆ., *Εισαχ.*, *σελ.* μα' κτῆ.). Во Флоренціи Аргиропулъ пробылъ до 1476 г., возобновляя черезъ каждые пять лѣтъ свои контракты съ республикою. Это былъ самый блестящій періодъ его научной дѣятельности, какъ толкователя и переводчика Аристотеля. Его лекціи по Аристотелю, помѣченныя опредѣленными днями и даже часами, перечислены въ началѣ книги К. Müllner'a, *Reden u. Briefe italienischer Humanisten*. Wien. 1899 (S. S. 3—18). Переводы его высоко цѣнились и печатались съ 1478-го г. еще при жизни Аргиропула и переиздавались потомъ до конца XVI-го в. Отношенія Аргиропула къ дому Медичи и вообще положеніе его, какъ центра научныхъ кружковъ, Ламбросъ изображаетъ подробно. Дальнѣйшая судьба Аргиропула, послѣ разлуки его съ Флоренціей, была не во всемъ счастлива. Съ сентября 1471 г. мы застаемъ его въ Римѣ (*Εισαχ.*, *σελ.* νδ'). Съ папой Сикстомъ IV Аргиропула связывало товарищество еще на школьной скамьѣ въ Падуѣ (*Εισαχ.*, *σελ.* νβ' κτῆ.). Аргиропулъ получилъ мѣсто профессора въ *Sapienza* (римскомъ университетѣ). Къ переводамъ Аристотеля присоединяетъ онъ здѣсь переводы изъ Василія Вел., Либанія и др. Къ ученикамъ его здѣсь принадлежалъ знаменитый Рейхлинъ (*Εισαχ.*, с. ξ'—ξα'). Но не смотря на покровительство папы, дѣла Аргиропула далеко не были здѣсь однако въ блестящемъ положеніи. Изъ письма Филельфо, ревностнаго корреспондента Аргиро-

пула еще во Флоренціи, къ Лаврентію Медичи, отъ 1 апрѣля 1475 г., мы узнаемъ уже о намѣреніи Аргиропула оставить Римъ и даже покинуть Италію. Филельфо внушалъ Лаврентію Медичи мысль о необходимости удержать Аргиропула и вернуть его во Флоренцію, но дѣло это затянулось, а между тѣмъ изъ письма Константина Ласкариса, стараго ученика Аргиропула, къ поэту Іоанну Парду въ Мессину (σελ. 305) мы узнаемъ, что около 1476 г. Аргиропуль уже испытываетъ нужду и продастъ книги свои въ Римѣ. Нужно замѣтить, что еще во Флоренціи содержаніе профессору выплачивалось далеко не аккуратно. Положеніе его стало вѣсь все неопредѣленно, т. к. со стороны Флоренціи дѣло теперь ограничивалось обѣщаніями. Онъ оставался въ Римѣ, ревностно изучая греческія рукописи Ватиканской бібліотеки, находившіяся въ зафѣдываньи его друга Вареоламея de Sacchi (Платины), какъ о томъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся книга съ записями выдачь рукописей для чтенія и ихъ возвращенія читателямъ (Εισαγ., σελ. νθ'), и умеръ около 1490—1491 г., повидимому, въ большой нуждѣ (σελ. ζβ').

Помимо ученой своей дѣятельности, Іоаннъ Аргиропуль извѣстенъ и въ богословской области, какъ участникъ Флорентійскаго собора и ревностный поборникъ единенія восточной церкви съ западной въ ту пору переговоровъ по этому вопросу Византіи съ Римомъ, когда они были особенно оживленными, въ виду надвигавшейся опасности для первой отъ турокъ. Кромѣ участія Аргиропула въ Флорентійскомъ соборѣ, намъ извѣстенъ теперь, благодаря Ламбросу, новый документъ, свидѣтельствующій о прямомъ переходѣ Аргиропула подъ власть папы со своими двумя сыновьями. Это письмо его къ папѣ Николаю V-му, содержащее исповѣданіе вѣры согласно ученію римской церкви, Ἀρχυροπόουλεια, σελл. 129—141. Профессоръ Ламбросъ очень точно и убѣдительно опредѣляетъ время написанія Аргиропуломъ этого посланія на основаніи указаній и намековъ на положеніе и обстоятельства папской власти, въ немъ заключающихся. Въ частности отмѣтимъ, что, по соображеніямъ проф. Ламброса, тѣмъ кардиналомъ, вліянію коего Аргиропуль особенно приписываетъ свою рѣшимость подчиниться папѣ, σελ. 131, 6—10, былъ бывшій русскій митрополитъ Исидоръ (Εισαγ., σελ. λγ'—λδ'), при чемъ, на основаніи одного мѣста поэмы Убертина Пускула (Ellissen, Analecten d. mittel-u. neugriech. Litteratur, III, приложение, 36), Ламбросъ устанавливаетъ фактъ перваго дипломатическаго посѣщенія Исидоромъ Константинополя въ промежутокъ между весной 1450-го г., временемъ Константинопольскаго собора, отрѣшившаго патріарха Григорія, и бѣгствомъ послѣдняго въ Римъ въ 1452-омъ году, особаго отъ второго, въ ноябрѣ 1452-го года. Воздѣйствіе кардинала на Аргиропула относится къ первому посѣщенію Исидоромъ Константинополя. Осенью 1450-го г. или, самое позднее, весной 1451-го года прибылъ Аргиропуль въ Римъ. Впрочемъ онъ вскорѣ вернулся въ Константинополь по порученію папы, вѣроятно, вмѣстѣ съ Андроникомъ Врениемъ Леонтарисомъ, тѣмъ посломъ императора

Константина Палеолога въ Римѣ, который возвратился оттуда въ Византию въ сентябрѣ или въ началѣ октября 1451-го г. съ суровымъ письмомъ папы императору, «ультиматумомъ Запада испускающей послѣднее дыханіе Византии» (см. Εἰσαχ., σελ. λς'). Вернувшись на родину, Аргиропулъ усилилъ свое рвеніе къ успѣху борьбы сторонниковъ уніи, рвеніе, подогрѣтое посѣщеніемъ Рима и поощреніями оттуда, можетъ быть и денежными субсидіями папы. Поэтому, когда Исидоръ снова явился въ Римъ въ ноябрѣ 1452-го г. съ латинскимъ епископомъ Митилины Леонардомъ Хиосскимъ, Аргиропулъ былъ въ числѣ очень немногихъ лицъ въ Константинополѣ, оставшихся вѣрными уніи, о чемъ свидѣтельствуетъ въ упомянутой поэмѣ своей («Константинополь», кн. 3-ья, ст. 662 сл.) Убертинъ Пускулъ (Εἰσαχ., σελ. λζ'). Къ этому положенію, занятому Аргиропуломъ въ религіозномъ спорѣ уже съ самаго начала его литературной дѣятельности, при чемъ опъ искалъ подкрѣпленія римскому догмату въ философскихъ идеяхъ Аристотеля, относится трактатъ его объ исхожденіи Св. Духа, адресованный къ великому дукѣ Лукѣ Нотарѣ (Εἰσαχ., σελ. κθ'), который самъ былъ приверженцемъ противной партіи. Характерно для свободы этихъ религіозныхъ споровъ въ Византии, что Аргиропулъ, ἄρχων τῶν ἐκκλησιῶν, около 1444 г. пишетъ трактатъ, въ коемъ (согласно его заглавію) развивается опредѣленіе Флорентійскаго собора и при томъ адресуется его стороннику православія. Этотъ трактатъ вызвалъ критику Θεοδωρα Αγαλλιᾶνα въ послѣдовательномъ его разборѣ, тоже вошедшемъ въ составъ Ἀργυροπουλείων Ламброса, см. σελл. 234—303.

Любопытно, что въ падуанскомъ дипломѣ Аргиропула на doctor artium, опубликованномъ впервые Фіялекомъ, въ словахъ approbatus in artibus послѣднее представляетъ поправку вмѣсто подчищеннаго medicina. Въ надписи къ изображенію Аргиропула, преподающаго въ Ксенонѣ (fol. 35 Бароччевой ркк. Оксфордской Бодлеевой библіотеки), воспроизведенному у Ламброса въ πῖναξ Β' п дающему поводъ къ интересному замѣчанію его о различіи самой обстановки преподаванія на Западѣ и на Востокѣ (см. Εἰσαχ., σελ. κς' σημ. 1, съ цитатой изъ неизданнаго слова сотрудника Иоанна Аргиропула въ Ксенонѣ Михаила Апостолія; маленькая неточность въ передачѣ надписи у Ламброса σελ. κγ', послѣ словъ Μηνουῆλ Πυρόπουλον чит. ὁμοίως), мы находимъ въ числѣ учениковъ Иоанна почти все врачей. Проф. Ламбросъ полагаетъ, что врачей привлекали на лекціи Аргиропула его толкованія физическихъ трактатовъ Аристотеля, но не думаетъ, чтобы онъ читалъ и чисто медицинскія лекціи (Εἰσαχ., κζ'), считая подчистку въ дипломѣ результатомъ простой ошибки канцеляриста. Съ другой стороны, однако, Аргиропулъ беретъ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ разрѣшить сомнѣнія и отвѣтить на вопросы кипрскаго медика (φιλόσοφον καὶ ἰατρὸν, иначе ἰατροφιλόσοφον, терминъ, прилагаемый въ то время прямо къ врачамъ по специальности) и въ этомъ Λύσις ἀποριῶν καὶ ζητημάτων мы находимъ цѣлую теорію жидкостей въ человѣческомъ

организмѣ, долго господствовавшую въ европейской наукѣ, и у Аргиропула развиваемую съ неоднократноными ссылками на Галена (σελ. 165, 171, σελ. 169 рядомъ съ οἱ ὑαρίεστεροι, σελ. 169 цитуются οἱ πηλαίτεροι Ἀσκληπιδοῶν), также анатомическую терминологию (σελ. 165—166 κτλ.), которыя позволяютъ думать, что Аргиропулъ не чуждъ былъ и специальныхъ медицинскихъ штудій. Въ Падуѣ онъ могъ найти пищу своей любознательности и въ этой области и поправка въ дипломѣ, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что онъ и тамъ былъ уже извѣстенъ и въ этой области знаній, такъ что, хотя экзамень былъ произведенъ ему по специальности artes, при приготовленіи диплома могла возникнуть ошибка, послѣ исправленная.

Вторая часть Введенія (σελλ. ξγ'—ρδ') посвящена семейству Аргиропула п очень детальному изслѣдованію о происхожденіи его рода и его позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Что касается семьи, особенно горестною для Аргиропула была безвременная смерть отъ рукъ разбойниковъ его любимого сына, не называемаго по имени ни въ письмѣ Филельфо 22 іюля 1469 года, гдѣ онъ выражаетъ свое сочувствіе отцу (Ἀργυροπ., σελ. 212), ни въ письмѣ кардинала Павіа Іакова Пикколомини (σελλ. 224—226), гдѣ онъ подробно рассказываетъ отцу умершаго объ обстоятельствахъ его смерти, о тщетномъ заботливомъ пользованіи его врачами и о торжественныхъ его похоронахъ. Долго жилъ сынъ Аргиропула Исаакій, изобрѣтатель въ области органной музыки. Для позднѣйшей исторіи рода Аргиропула особенно детальны свѣдѣнія объ одной вѣтви его на о. Корфу, почерпнутыя въ мѣстномъ архивѣ (Εισαγγ., σελλ. 175' κτλ.). Къ солунскому отпрыску того же рода, послѣ переселившемся въ Константинополь въ XVIII—XIX вв., принадлежитъ великій драгоманъ 1812—15 г. г. Іаковъ Аргиропулъ, о которомъ Ламбросъ сообщаетъ особую поминку, составленную для него великимъ логоветомъ Вел. Церкви въ КП. Ставракіемъ Аристархомъ (σελλ. ργ' κτλ.).

Изъ сочиненій Іоанна Аргиропула, вошедшихъ въ настоящее изданіе, остановимся особенно на образчикахъ его риторическаго искусства. Это его «Монодія на самодержца Іоанна Палеолога» (σελλ. 1—7), «Утѣшающая рѣчь (παράμυθητικός) къ императору Константину, явившемуся съ Пелопонниса и принявшему скипетръ умершаго Іоанна» (σελλ. 8—28), «Наставленіе царю» (Βῆσιλικός, жанръ эпидиктическаго краснорѣчія у грековъ), обращенное къ императору Константину (σελλ. 29—47), и «Утѣшающая рѣчь (παράμυθητικός) къ императору Константину по поводу смерти его матери» (σελλ. 48—67). Для трехъ первыхъ рѣчей г. Ламбросъ располагалъ пятью рукописями: (1) Парижской 1191, XV-го в., (2) Парижской 817, XVI в., (3) Ватиканской 1098 А, XVI в., (4) Амвросіевой М 41 sup., XV в. и (5) Мадридской 115 (4636), XV-го в. Только въ послѣдней сохраняется четвертая изъ помянутыхъ сейчасъ рѣчей. Издатель не дѣлаетъ попытки представить генеалогію рукописей. При небольшомъ ихъ числѣ это, можетъ быть, и не такъ важно. Слѣдовало

во всякомъ случаѣ сказать во Введеніи хотя бы нѣсколько словъ объ отношеніи между ними. Такъ интересно особое положеніе М (Мадридской), которая, представляя рядъ частью произвольныхъ отступленій отъ подлиннаго текста и такихъ искаженій его, какъ нѣтъ въ другихъ рукописяхъ, сохраняетъ въ немаломъ числѣ другихъ мѣстъ болѣе вѣрную традицію, чѣмъ прочія. Выборъ чтеній издателемъ почти всегда вѣренъ и согласенъ съ языкомъ и стилемъ Аргиропула. Сомнѣнія въ правильности предпочтенія редакціи другихъ рукописей редакціи М допустимы лишь въ немногихъ случаяхъ, которые мы позволимъ себѣ отмѣтить со всею осторожностью. Отмѣтимъ впередъ тѣ случаи, гдѣ самъ издатель останавливается на особыхъ чтеніяхъ одной рукописи М, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходящейся въ нихъ съ Амвросіевой рукописью (А у Ламброса): въ первой рѣчи: рг. 3, 5, ἐστάυχι Μ, ἐστάυχι τε all., 14 περιστῆχένχι καὶ ὄν (порядокъ словъ), 4, 8, 5, 1 (съ небольшою поправкою въ приращеніи, у Аргиропула, можетъ быть, излишнею) въ глаголѣ съ двойнымъ предлогомъ (срв., и при одномъ предлогѣ, ἐμβρασίλευε 29, 1), 12 (тоже съ поправкою — прибавкою предлога на основаніи прочихъ ркпп., искажающихъ самый глаголъ, вѣрно сохраненный въ М), *ibid.* δ' ὡσπερ при δὲ ὡς прочихъ ркпп. Во второй рѣчи: 9, 9, 26, 9, 27, 15, 20—21, 28, 7. Въ третьей рѣчи: 29, 10, 33, 15, 18—19; 34, 12 и 37, 3 — въ этихъ двухъ случаяхъ при сходствѣ, противъ прочихъ рукописей, МА (болѣе близкое родство этихъ рукописей см. еще 36, 10, 11, 12, 35, 21, 37, 18—19), МАП (последняя = Париж. 817) согласно сохраняютъ вѣрное чтеніе 37, 3. Просмотрѣвъ по аппарату Ламброса всѣ отмѣченныя мѣста, всякій легко убѣдится въ правильности его выбора чтенія этой одной рукописи противъ прочихъ, или рукописей МА противъ прочихъ. Но какъ поступить тамъ, гдѣ обѣ редакціи и М(А), и рукописи другого класса сходятся въ чтеніяхъ, неправильныхъ съ точки зрѣнія греческаго языка классической поры? Греческіе пуристы въ своихъ изданіяхъ весьма склонны здѣсь къ безапелляціонному «ἐγρηψα», упуская изъ виду историческую грамматику. Такъ, изъявительное съ ἄν всѣхъ рукописей измѣнено Ламбросомъ въ желательное съ ἄν 35, 13, 39, 8, въ сослагательное 47, 1. *νομισαμεν* съ ἄν всѣхъ рукописей Ламбросомъ измѣнено 44, 16 въ *νομισαμεν* ἄν. Въ виду упомянутыхъ примѣровъ можно еще спорить о томъ, что правильнѣе въ текстѣ Аргиропула, изъявительное будущаго съ ἄν АМ въ случаяхъ 34, 10 и 35, 21 или желательное того же времени съ ἄν другихъ рукописей, ἄν при желательномъ отсутствуетъ въ АМ 41, 4. Рѣшительнѣе можемъ мы отстаивать форму глагола *γίνεσθαι* и сложныхъ у Аргиропула, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ издатель входитъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: 9, 7 онъ принимаетъ *παρὰ γίνεσθαι* прочихъ рукописей при *γένεσθαι* М, а исправляетъ соотвѣтственныя формы съ *ν*, а не *γν* послѣ удвоенія противъ всѣхъ рукописей 14, 18 (дважды), 25, 1. Въ АМ *προσγίνεσθαι* показано противъ *προσγύγνεσθαι* другихъ рукописей, 38, 16 *γινόμενος* М *γινόμενος* cett. Въ обоихъ случаяхъ слѣдовало предпочесть чтенія МА, М.

Тотъ же пурпизмъ заставляетъ Ламброса исправлять ὑγεία всѣхъ рукописей въ ὑγεία 20, 6, тщательно «исправлять» δὲλαδὲ, ὡσπερὲι ркпп. въ δὲλα δὲ, ὡσπερ εἰ, не говоря уже о такихъ сочетаніяхъ, какъ τὴν ἀρχὴν τῶν τε, гдѣ и колебаніе традиціи, конечно, даетъ право на раздѣльное написаніе.

Что касается другихъ особыхъ чтеній, не связанныхъ съ исторіей языка, мы легко признаемъ произвольныя измѣненія редакціи M въ такихъ особыхъ ея чтеніяхъ, какъ, напр., θεῶν вм. διμῶνιον и κρείττον 38, 2, 5, 10, или ἀγαθῆ τύχη вм. ἀγαθῆ μοίρα, свойственнаго стилю Аргиропула, 25, 22, гдѣ замѣну изобличаетъ употребленіе болѣе ходячихъ словъ и выраженій. Но въ такихъ случаяхъ, какъ 9, 3 εὐτυχίας αἰτίφ M αἰτίφ τύχης sett., или βασιλεῦ (leg. pro βασιλέως) ἐκ βασιλέων M (? т. е. повид., ἐκ τοῦ τὸ πρῶτον γραφέντος βασιλέων), въ особенности въ этой послѣдней вариациіи θεῶν τε βασιλέων, срв. 29, 11, остается возможнымъ видѣть болѣе первоначальное чтеніе въ редакціи M. 3, 8, въ гомеровской фразѣ, чтеніе M первой руки ἐόντος представляется намъ болѣе правильнымъ. Правильно (срв. 68, 3 ἀποδεδώκειν) предпочтена у Ламброса форма ξυντεθνήκει M (въ согласіи на этотъ разъ съ двумя другими рукописями) грамматически вѣрной формѣ ξυντεθνήκει NB. Нѣкоторые случаи отсутствія въ M отдѣльныхъ словъ другой редакціи, какъ 9, 9 τὸν μέγιστον при βασιλέα, 14, καὶ передъ φρήνους, возможно считать не пропусками, а напротивъ болѣе первичными чтеніями. Πλῆς mss. 20, 8 (= 59, 17) вѣр. надо читать πλωίς.

Βασιλικός уподобляетъ во вступленіи царствованіе Константина золотому вѣку, когда то прославленному поэтами. Таково попеченіе его о подданныхъ, при чемъ блага, болѣе подобающія человѣку, чѣмъ прославляемое древними матеріальное благополучіе, выступаютъ на первый планъ. Ораторъ призываетъ увѣнчать царя вѣнкомъ и, окруживъ его, воспѣть, чѣмъ украшенъ будетъ вмѣстѣ и онъ, и наилучшій царь, такъ какъ ничего не можетъ быть лучше и ничто не можетъ доставить всякому больше удовольствія, чѣмъ изображеніе въ рѣчи доброй царской власти. Онъ восхваляетъ затѣмъ царскую власть какъ совершеннѣйшую форму правленія. Единица — основное число и число и необходимый элементъ, участіе въ коемъ опредѣляетъ сущее (οὐκ ἔστιν ὅπως ἄνευ ἐνός τοῦ πρώτου τῶν ὄντων ἄν τι ξυστάη). Царская власть подобно головѣ для тѣла, сердцу въ животномъ организмѣ, солнцу. Царь кормчій, охранитель государства, законодатель, судья. Что отецъ для дѣтей, то царь для подданныхъ, и что царь для нихъ, то и Богъ. Но не сдѣлаетъ всего того, что Богъ, царь, и всего того, что царь, отецъ. Сказавъ, такимъ образомъ, о превосходствѣ царской власти, ораторъ (σελ. 37) переходитъ къ изображенію царскаго нрава и духовнаго склада (ἦθος καὶ διάθεσις). Онъ называетъ нынѣшняго царя грековъ статуей хорошаго царя, съ него можно набросать образецъ царя. Слѣдуетъ перечисленіе и описаніе добродѣтелей хорошаго царя, начиная съ основной, благочестія, σωφροσύνη,

δικαιοσύνη, ἀνδρεία и прочее. Заканчивается это перечисленіе словами (σελ. 45): «Я, величайшій царь, опустивъ большую часть, кратко набросалъ въ лицѣ твоемъ статую царя, слабѣе дѣйствительнаго достоинства и способности своей» и проч. Въ заключеніе рѣчи (σελ. 45—47) вносится нѣкоторый историческій элементъ. Ораторъ говоритъ о Константинополѣ, какъ о послѣднемъ оплотѣ эллинизма, и о надеждахъ на помощь Запада противъ варваровъ, овладѣвающихъ мѣстечками, гаванями, городами. Онъ вооружается противъ тѣхъ, кто находятъ, что грекамъ нужно однимъ оказать отпоръ варвару, такъ какъ уже выяснилось, что съ Запада нечего болѣе ждать помощи. «Удивляюсь», говоритъ онъ, «подобному сужденію, во-первыхъ, потому, что сторонники его, того не вѣдая, готовятъ намъ нѣсколько враговъ вмѣсто одного, во-вторыхъ, въ томъ, что они упускаютъ изъ вниманія размѣры силъ Запада. Прибавилъ бы, что и въ нынѣшнее время они не выдерживаютъ той басни Эзопа, что сочинилъ тотъ объ овцахъ и волкахъ. Но хоть много можно было бы прибавить къ этому, я то опускаю, не желая показаться назойливымъ и по отдаленности этого предмета отъ настоящей моей задачи». Заканчивается рѣчь выраженіемъ надежды на поддержаніе свободы эллиновъ мудростью новаго царя.

«Моводія» представляетъ изліяніе горя автора о смерти владыки Греціи, «плачъ» (ἄρρητος) въ прозѣ, обильно уснащаемый реминисценціями изъ древней поэзіи и мифологіи (Нюба стр. 2, 12, Гекторъ у Гомера стр. 3, 5 сл., Ахиллъ, стр. 5, 2, Фаэтонъ стр. 7, 17). Покойный представленъ и сильнымъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, и господиномъ надъ собственными страстями, вмѣстѣ съ тѣмъ, по Платону (σελ. 6), философомъ на тронѣ. Историческій элементъ проскальзываетъ только тамъ, гдѣ риторъ говоритъ объ уничтоженіи Иоанномъ Палеологомъ смуты и неурядицы на Пелопоннесѣ (стр. 4, 10—13). О личной своей близости къ императору ораторъ упоминаетъ въ концѣ рѣчи, стр. 7, 3 ὁ ξυνοσιῶν («бесѣды») ἐκείνων, ὃν αὐτὸς αἰεὶ τι πλεῖον λαμβάνων ἢ διδοὺς καὶ ἀκούων ἢ λέγων ἑξήθει. Какъ лирической порывъ, моводія, по правилу (срв. монодію Либанія на Юліана), кратка.

Двѣ утѣшающія рѣчи, какъ отмѣчено въ Мадридской рукописи σελ. 11, app. crit., представляютъ одну и ту же риторическую концепцію, примѣненную дважды къ разнымъ обстоятельствамъ. Утѣшающая рѣчь къ Константину по поводу смерти его брата, переходитъ, во вступленіи, отъ описанія восторга подданныхъ, когда, въ своемъ уныніи о смерти Иоанна, они получили свѣтлую надежду въ лицѣ новаго владыки, и отъ, выраженія благодарности Богу къ печали царя и личной при воспоминаніи его о братѣ, и въ виду сиротства и траура подданныхъ, призываетъ затѣмъ всѣхъ прекратить, хоть поздно, слезы и рыданія и, справившись съ собою и смѣнивъ трауръ на обычное одѣяніе, утѣшить теперь великаго царя. Доводы утѣшенія авторъ почерпаетъ, прежде всего, въ естественныхъ законахъ. Зачѣмъ горевать о смерти человѣка при его смерти,

а не раньше еще, когда мы знаемъ, что таковой ему не избѣжать? Человѣку не подобаетъ предаваться горю, надо господствовать надъ своими слабостями (σελ. 13). При этомъ авторъ пускается въ изъясненіе двойственной природы человѣка и измѣняемости матеріи одного изъ его элементовъ (σελλ. 14—16), далѣе говорить о будущей жизни, о бѣдствіяхъ земной жизни, которыя заставляютъ скорѣе радостно встрѣчать смерть, какъ освобожденіе отъ нихъ. Здѣсь риторъ приводитъ цитату изъ Гезіода. Отмѣтимъ, что въ ходячихъ фразахъ о земныхъ бѣдствіяхъ проскальзываетъ отношеніе и къ тяжелому положенію родины. Это видно будетъ, если сопоставимъ фразу Βασίλιχου σελ. 46 (послѣ словъ о захватѣ турками городовъ и гаваней), 20 ἡμεῖς δὲ κατεπτήχαμεν φόβῳ καὶ περὶ τῆς σωτηρίας ἡμῶν αὐτῶν δεδιότες, τί ποιήσωμεν κτέ. πβ. Παραμυθητικός, σελ. 18 (=σελ. 57,10—58 II, во второмъ Παραμυθητικός), 6 εἰ δ' αὖ τῶν πολλῶν καὶ ὅσοι μάλιστα συζῶσιν αἰσθήσει τῷ δέει κατεπτηχένας τὸν βίον κτέ. Жизнь представляется переходомъ отъ болѣзни къ здоровью, ораторъ уподобляетъ ее плавильнѣ золота, мѣсту состязаній или морскому пути корабля. «Цѣль здѣсь не въ нихъ самихъ, а въ томъ, чтобы золото было чистымъ, въ дикой маслинѣ — наградѣ побѣдителю, гавани для корабля. Но если бы еще жизнь не приводила ни къ какой цѣли, но со смертью человѣка все разлеталось въ прахъ, и тогда слезы и рыданія не приличны были бы людямъ сдержаннымъ. Но предѣлъ жизни человѣка Богъ и вѣчное возсіяніе (ἔλλαμψις), что его окружаетъ, и чѣмъ оканчивается жизнь человѣка». Въ такихъ словахъ ораторъ переходитъ къ послѣднему своему доводу, подробно развиваемому какъ восхваленіе благодати Бога и его человѣколюбія.

Все это обширное разсужденіе тѣми же словами повторяется и въ «Утѣшающей рѣчи по поводу смерти матери» и изъ первой «Утѣшающей рѣчи» вообще принято въ эту вторую все то, что, за соотвѣтствующими измѣненіями, въ примѣненіи къ смерти иного лица, могло быть использовано и здѣсь. Что авторъ замѣтки въ Мадридской рукописи правъ, говоря о первенствѣ рѣчи по поводу смерти Іоанна, это ясно видно изъ этихъ приспособленій стараго матеріала къ новому сюжету. Вступленіе второй утѣшающей рѣчи посвящено простому разсужденію о томъ колорващеніи и разнообразіи въ судьбѣ, какія наблюдаются въ людской жизни. Но ненадолго показавшись на театрѣ жизни, люди исчезаютъ безъ пользы для себя или для другихъ. Въ нѣкоторомъ противорѣчій съ этимъ нѣсколько ниже говорится, что иные люди, пользуясь успѣхомъ въ жизни, приносятъ благо и себѣ, и другимъ, а есть такіе, которые не стяжали себѣ награды маслинною въ состязаніи на Олимпіяхъ. Все это представляетъ мысли, взятая изъ того же разсужденія перваго παραμυθητικοῦ, такъ же, какъ, здѣсь нѣсколько растянутое, наставленіе о «Философίи» въ постигшемъ горѣ. Переходъ къ собственному «утѣшенію», прямо взятому изъ первой рѣчи σελ. 50, 6—15, излишнимъ многословіемъ показываетъ, что ритору нечего было сказать новаго.

Въ стилѣ автора бросается въ глаза пристрастіе къ нѣкоторымъ словамъ, выраженіямъ и фразамъ: *ἀμωσγέπως, ἀμηγέπη, καλῶς ποιῶν, καλῶς ποιῶντες* «къ счастью» 4, 18, 8, 3, 34, 2, *ὅσαι ὥραι* ежечасно 7, 21, 28, 4, 33, 17 etc., *ἐν οὐδέν* въ смыслѣ *οὐδὲ ἐν* 23, 8, 41, 18, 43, 6, 48, 1, *ἐαυτοῦ γίνεσθαι* «приходить въ себя» 10, 9, 23, 11, *τοῦ προσήκοντος εἶναι* (или *γίνεσθαι*) *σχήματος* 25, 10, 37, 1, cf. *τοῦ κρείττονος γίνεσθαι σχήματος* 10, 9, *ὡσπερ τινὸς αὐτοῖς ἐκ μηχανῆς θεοῦ παρακύψαντος* 2, 17, 8, 5, *ξυναυλίαν ἐτέραν αὐτῶν ἄλλιν ξυστημαμένους ὀδύρεσθαι* 10, 8 cf. 7, 18, наоборотъ, о радости *πανήγυριν ξυνίστασθαι* 30, 17, *ἀδολεσχίας ἢ ἀναισθησίας φεύγεσθαι* «быть повиннымъ» (въ ч. л.) 10, 22, 17, 23, 31, 8, *ιδέα τε καὶ παράδειγμα* 36, 2, 38, 4, *ἐσμός* 38, 18 (*τῶν ἀρετῶν*), 49, 13 (*ξυμφορῶν*). Уподобленіе царя Богу то въ видѣ сравненія, какъ 33, 12, то въ выраженіи *βασιλεὺς θεός* 28, 4; 35, 10. Подражая *ἀρχαιοτέρῳ Ἀτθίδι*, Аргиропулъ употребляетъ предлогъ *σύν* въ сложныхъ глаголахъ и другихъ словахъ въ формѣ *ξυν*. Нарѣчіе *ἀεί* постоянно является у него въ формѣ *αἰεί*. Характерна распространенность эллипса глагола *εἶναι* въ разныхъ его формахъ, см., напр., 8, 6 *ὡς πρὸς τρόπον τοῖς ἀθρομοῦσιν*, 9, 2 *καὶ χάρις* (*ἔστω, εἶη*) *θεῶν*, 4 *οὐκ ἄνευ ἀνίας... ἢ νῦν ἡμῖν ἡδονή*, 8 *ἀνία δὲ ἡμῖν*. Изъ повтореній болѣе значительныхъ укажемъ не отмѣченное издателемъ повтореніе цѣлаго періода 31, 6—9=10, 20—28.

Изъ опечатокъ или редакціонныхъ недосмотровъ отмѣчаемъ: 27, 13 *εἰόκασεν* leg. *εἰόκασιν*, 38, 13 *ὡστινοσοῦν* leg. *ἡστινοσοῦν*, 40, 6 *θατέρῳ* leg. *θατέρῳ*, 14, 3 *γένοιτο εἶεν* leg. *γένοιτο. εἶεν* cf. 53, 16 (параллельный текстъ). На стр. 65, 11 по недосмотру въ текстъ попало, въ строкѣ 11-ой, слово *αὐτοῖ*, вѣрно, конечно, исправленное въ критическомъ аппаратѣ въ *αὐτῆ*.

Три письма къ Георгію Трапезунтскому, селл. 68—106, представляютъ письменное развитіе полемики, начатой съ церковной каведры (см. ер. 1, селл. 69, 18 *διὰ τι τοῖνον ἐπ' ἐκκλησίας ἡμῶν κατηγόρεις ὡς μηδὲν εἰδόντων*), по тому же богословскому вопросу, который служитъ предметомъ трактата Аргиропула, адресованнаго къ Лукѣ Нотарѣ. Въ письмахъ полемика эта пріобрѣтаетъ крайне рѣзкій характеръ, во вкусѣ тѣхъ *διαβολαί, ψόγοι* или *ἐλεγχοί*, которыя въ античныя времена составляли особый видъ эпидиктическаго краснорѣчія, прямую противоположность энкоміямъ. Такъ, въ самомъ краткомъ, второмъ письмѣ, передавая своему корреспонденту свои впечатлѣнія отъ только что прочитаннаго его письма, Аргиропулъ выражается: «слушая его, мнѣ едва не понадобилась плевальница для рвоты» (селл. 76). Аргиропулъ обличаетъ Георгія въ его полномъ невѣжествѣ, при его претензій на ученость и критикѣ своего противника (Аргиропула), какъ человѣка, непосвященнаго въ науку. При этомъ дѣло не ограничивается богословіемъ и философіей, но, особенно въ третьемъ письмѣ, Аргиропулъ изобличаетъ Георгія прямо въ безграмотности рядомъ цитатъ изъ его писемъ и указаніемъ на ошибки въ нихъ противъ грамматическихъ правилъ, неправильности и неясности въ постройкѣ фразъ (см. стрр. 79—87). Затронута и астрологія (3-ье письмо, селл. 92), причемъ Аргиропулъ, въ длинномъ перечисленіи предметовъ ея изученія,

показываетъ себя не чуждымъ и этой наукѣ, въ тѣ времена занимавшей столь почетное мѣсто. Сущность самого религіознаго спора, имѣвшаго мѣсто въ видѣ особаго диспута въ церкви, изложена въ третьемъ письмѣ, сѣл. 96—97 (срв. къ этому также сѣл. 89 и, въ первомъ письмѣ, сѣл. 75 о попыткѣ Георгія отпереться отъ собственныхъ своихъ положеній), особенно 97, о гтѣ. «Развѣ ты не пустословилъ, будто существо Бога ничѣмъ не разнится отъ существа ангеловъ и душъ какъ людей, такъ и прочихъ тварей, а я не доказывалъ, что оно невыразимо выше мысленныхъ и чувственныхъ вещей и никонимъ образомъ не можетъ быть приравнваемо какому либо существу то (божественное) существо, несказанное превыше всякаго слова и всякой мысли? Развѣ ты не спорилъ, что Богъ возводится подъ одну изъ десяти категорій, а я, что ни подъ одну?». Изъ этого положенія Георгія выводятся въ дальнѣйшемъ разсужденіи Аргиропула тѣ слѣдствія, которыя доказываютъ нечестивость его. «И такимъ образомъ», дѣлаетъ авторъ свой конечный выводъ согласно философскому понятію *οὐσία*, «разъ допущенъ одинъ абсурдъ, изъ него слѣдуетъ рядъ абсурдныхъ утвержденій о Богѣ, и, по вашему, божество ничѣмъ не будетъ разниться отъ прочихъ вещей» (сѣл. 101). Если подводить Бога подъ понятіе «существа» (*οὐσία*), какъ «видъ» (*εἶδος*), онъ долженъ быть опредѣляемымъ. На самомъ дѣлѣ Богъ (сѣл. 102) «превыше всякой простоты и недоступенъ опредѣленію, и не имѣетъ общенія съ какой либо рождаемой природой, и ни въ какомъ свойствѣ своей природы не имѣетъ ничего общаго съ своимъ созданіемъ, и безначаленъ, и начало и причина всего сущаго; вѣдь онъ создатель временъ и времени не подлежитъ. Значить, Богъ не видъ» (сѣл. 102).

Письма опубликованы по одной рукописи, Амвросіевой (114 sup.), оставлены безъ исправленія два случая ея итацзма: сѣл. 75, 13, гдѣ, въ гомеровской цитатѣ, надо читать *νήη*: вм. *νήηχι*, и сѣл. 84, *ἔπειητον* leg. *ἐπειήτον*, чего, конечно, Аргиропулъ себѣ не дозволилъ бы въ особенности въ письмѣ, гдѣ онъ изобличаетъ невѣжество *τοῦ τὰς προσφθίας ἀγνοοῦντος καὶ τὰς βραχείας καὶ μακράς τῶν συλλαβῶν μὴ εἰδότης καὶ τᾶλλα χωρὶς πνευμάτων γράφοντος καὶ τῆ μοῖρα* (sic!) *περισπῶντος καὶ τὸ ἕνα δοξάζουмен ἀνυποτάκτως προφέροντος* (сѣл. 85, 21—24).

Богословскій трактатъ Аргиропула, адресованный къ Лукѣ Нотарѣ, представляетъ попытку оправдать догматы *filioque* путемъ философскаго развитія богословскихъ положеній. Эти приемы и софизмы Аргиропула и служатъ предметомъ полемики съ нимъ Θεодора Агалліана въ трактатѣ, публикуемомъ Ламбросомъ на основаніи уже напечатанныхъ текстовъ (Досноея въ Яссахъ 1698 г. и Миня, въ 158-мъ томѣ греческой патрологіи), сѣлл. 234—303. Издателю слѣдовало здѣсь, въ цитатахъ Агалліана изъ Аргиропула, сопоставить текстъ самого трактата послѣдняго (сѣлл. 107—128), для котораго онъ имѣлъ рядъ рукописей. Σελ. 262, 11, въ трактатѣ Агалліана, надо читать *τὸν πατέρα γεννητικὸν ὄντα πιστεύομεν* (не *γεννητόν*) *πρ.* сѣл. 279 (срв. дальше *τὸν δὲ υἰὸν γεννητόν*)—опечатка

или недосмотръ не исправленный и въ спискѣ опечатокъ сел. 343—348. Въ спискѣ рукописей, привлеченныхъ для богословскаго трактата Аргиропула, находимъ частью тѣ же, какія привлечены для рѣчей, частью особыя рукописи. Кромѣ Парижской 1191, Амвросіевой М 411 sup. и Мадридской 115 (4636), новыя рукописи: Парижская 949, XVI в., и Амвросіева Q 84 sup. Въ посвященіи, обращенномъ къ дукѣ флота Лукѣ Нотарѣ, гдѣ Агаліанъ восхваляетъ его за то, что, при обилии своихъ государственныхъ заботъ и въ столь тяжелое для родины время, Лука все же находитъ время для занятій исторіей и философіей, находимъ очевидный пропускъ на стр. 109, 3 αἰεὶ θνήσκειουσιν τῷ δέει τοὺς αὐτῆς πολεμίους (объ ἡ ἡμετέρᾳ, «нашей родинѣ», «нашемъ государствѣ»). Мѣсто это, по содержанию близкое къ сел. 46, 10 κτὲ Βασιλικῶν, требуетъ исправленія, если оно такъ, дѣйствительно, передано во всѣхъ рукописяхъ. Критическій аппаратъ не даетъ какъ разъ для этой фразы ничего. Вѣроятноже предположить пропускъ слова при корректурѣ: τῷ δέει διὰ τοὺς πολεμίους или что либо подобное. сел. 110, 9 χρῆματι NI, по сопоставленію съ мѣстомъ полемики Θεοδωρα Агаліана сел. 237, 23, слѣдуетъ, повидимому, предпочесть чтенію χρῆμασι прочихъ рукописей. Трактатъ Агаліана въ свою очередь могъ бы оказать помощь въ критикѣ текста Аргиропула. Въ трактатѣ Агаліана сел. 279, 3 Ламбросъ исправляетъ чтеніе Досноея-Миня ὅσα: πως въ ὅσα: περ, согласно чтенію большинства рукописей Аргиропула сел. 117, 5. Не лишено значенія чтеніе въ послѣднемъ мѣстѣ M, Мадридской рукописи, качества коей мы видѣли выше, παρ' (срв. еще особыя чтенія M сел. 107, 1, 108, 13 пропускъ κηί. Слова ὡς πατρός у Агаліана введены въ его текстъ Ламбросомъ сел. 279, 22 на основаніи параллельнаго мѣста Аргиропула сел. 117, 10). Заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя особыя чтенія MB и MAB, см. сел. 120, 8, 122, 19, гдѣ ἀπορῆ MB указываетъ на ἀπορεῖ, 123, 7 (чтеніе MB предпочтено издателемъ чтенію другихъ рукописей), 7—10, которыя опредѣляютъ особую редакцію этихъ трехъ рукописей и ближайшее родство изъ нихъ MB (см. еще 125, 12).

Λύσις ἀποριῶν καὶ ζητημάτων, селл. 142—174, частью богословскаго (въ направленіи толкованій εἰς τὰ ἀπορα τῆς θείας γραφῆς), частью философскаго и медицинскаго характера, опубликованы по двумъ рукописямъ, одной Эскуріальской и одной Парижской.

Подводя итоги нашему разсмотрѣнію новой книги объ Аргиропулѣ, мы позволяемъ себѣ думать, что подобныя монографіи, съ тщательнымъ соединеніемъ въ одной книгѣ наличныхъ матеріаловъ для изученія литературной дѣятельности даннаго автора, съ возможнымъ использованіемъ рукописнаго аппарата для возстановленія подлиннаго стиля его сочиненій, съ руководящими указаніями въ общей и специальной литературѣ, лучше всего способствуютъ основательному изслѣдованію судебъ эллинизма въ ту эпоху, когда особенно паденіе Константинополя заставило греческихъ эмигрантовъ вступать на службу наукъ Запада. До сихъ поръ Аргиропулъ славился съ толпою своихъ ученыхъ сородичей, своихъ предшествен-

никовъ и современниковъ, часто болѣе знаменитыхъ, чѣмъ онъ. Теперь эта фигура выступаетъ, на фонѣ ученой и литературной дѣятельности грековъ въ Италиі, гораздо ярче и опредѣленнѣе въ ея отношеніяхъ къ своимъ покровителямъ и друзьямъ, съ ея разнообразными литературными, философскими и богословскими интересами.

С. Шестаковъ.

Новые журналы, поступившіе въ Редакцію.

Byzantinische Zeitschrift.

Band XIX (1910). Heft 3—4.

	Стр.
B. J. Asmus. Zur Rekonstruktion von Damascius' Leben des Isidorus (II)	265—284
P. Maas. Das Kontakion	285—306
P. van den Ven. Note sur le texte de la Vie de S. Antoine le Jeune	307—313
Karl Praechter. Beziehungen zur Antike in Theodoros Prodromos' Rede auf Isaak Komnenos	314—329
Karl Praechter. Das Philosophenfragment im Codex Graecus XV Upsaliensis	329—330
Carl Wendel. Die Technopögnien-Scholien des Rhetors Holobolos	331—337
Ed. Tièche. Spuren eines vororigenistischen Septuagintatextes in der Vulgärparaphrase des Konstantinos Manasses.	338—382
Paul Marc. Die Ueberlieferung des Aesopromans	383—421
Φαίδωνος Κορυκουλέ. Γλωσσάριον Ἑβραϊοελληνικόν	422—429
Franz Görres. Die byzantinische Abstammung der spanischen Westgothenkönige Erwich und Witiza, sowie die Beziehungen des Kaisers Maurikios zur germanischen Welt.	430—439
Anatol Semenov. Ueber Ursprung und Bedeutung des Amtes des Logotheten in Byzanz	440—449
Th. Preger. Studien zur Topographie Konstantinopels. III.	450—461
P. Orsi. Byzantina Siciliae. III.	462—475
Moritz Reil. Zur Akzentuation griechischer Handschriften.	476—529

Band XX (1911). Heft 1—2.

Edmund Weigand. Zur Datierung der Peregrinatio Aetheriae.	1—26
August Mayer. Psellos' Rede über den rhetorischen Charakter des Gregorios von Nazianz	27—100
Jahannes Dräseke. Zu Niketas Akominatos.	101—105